НОВЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ВѢСТНИКЪ

THE NEW HISTORICAL BULLETIN

№ 4(70)

2021

Москва 2021

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИСТОРИКО-АРХИВНЫЙ ИНСТИТУТ

Журнал основан в 2000 г.

ГЛАВНЫЕ РЕДАКТОРЫ
С.В. Карпенко
С.С. Ипполитов

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
П.Н. Лебедев

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
А.Б. Безбородов, О.Г. Буховец, В. Голдман, Н.Т. Ерегина, В.П. Зиновьев, В.Г. Корнелюк, Н.Г. Кулинич, О.В. Павленко, А.М. Пашков, А.А. Симонов, В.Л. Успенский, Д. Фильцер, Л. Чех, П.П. Шкаренков

Переводчики **О.Н. Судакова, К.Дж. Сторэлла**
Обложка **А. Надточенко**

Выходит 4 раза в год

Адрес редакции:
121433, Москва, Б. Филевская, 69-2-67
Эл. почта: nivestnik@yandex.ru
Сайт: www.nivestnik.ru

Подписной индекс по каталогу «Урал-Пресс»: ВН002537

© Новый историческій вѣстникъ, 2021
© Редакция «Нового исторического вестника»
ООО «Смелый дизайн», 2021

RUSSIAN STATE UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES

INSTITUTE FOR HISTORY AND ARCHIVES

Founded in 2000

EDITORS-IN-CHIEF
Sergey V. Karpenko
Sergey S. Ippolitov

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF
Pavel N. Lebedev

EDITORIAL BOARD
A. Bezborodov, O. Bukhovets, L. Čech, N. Eregina, D. Filtzer, W. Goldman, V. Karnialiuk, N. Kulinich, A. Pashkov, O. Pavlenko, P. Shkarenkov, A. Simonov, V. Uspensky, V. Zinoviev

Translators **O. Sudakova, C.J. Storella**
Cover Designer **A. Nadtochenko**

Quarterly journal

Address:
69-2-67, Bolshaya Filevskaya St., Moscow, Russia, 121433
E-mail: nivestnik@yandex.ru
Web-site: www.nivestnik.ru

«Ural-Press» Catalogue Subscription Index: BH002537

© Novyy Istoricheskiy Vestnik, 2021
© Novyy Istoricheskiy Vestnik Editorial Staff LLC
“Smelyi Dizayn”, 2021

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Российская государственность

Володина Т.А., Подрезов К.А. «Прикрыть его знаменем»: Об инструментах сакрализации знамени в русской армии XVII – XVIII веков.....6

Очиров У.Б. Формирование национальных кавалерийских дивизий РККА: замысел и реализация (1919 – 1920 годы).....26

Агапов М.Г. Советская арктическая навигация 1937 года: Упущенный рекорд парохода «Моссовет».....50

Россия и мир

Черешнева Л.А., Черешнева М.С. «Позитивный нейтрализм» Индии в оценке советского посла К.В. Новикова (1949 год).....77

Европа в прошлом

Лебедев П.Н. «Страсти свв. Перпетуи, Фелицитаты и их сомучеников» и вопрос о преследовании христиан в Римской империи при Септимии Севере.....94

А.М. Сморчков, С.Н. Федорченко, П.П. Шкаренков Легитимизация политической власти: древний и современный опыт.....113

Память культуры

Орлова М.А. Георгиевский собор в Юрьеве-Польском: Встреча культур Востока и Запада в предмонгольской Руси.....127

У книжной полки

Марков А.В. Социокультурные рамки и организационные формы единства русского средневекового искусства: Размышления о новом выпуске многотомника «Древнерусское искусство».....138

Мауль В.Я. «Иже ся Богу ровняли»: Размышления по поводу книги Клаудио Ингерфлома «Аз есмь царь. История самозванства в России».....152

Ипполитов С.С. Российские научные журналы в пространстве защиты авторских прав, бизнес-интересов и редакционной этики 175

События и судьбы

Милевский О.А. Восхождение инспектора: Первый год жандармской службы Георгия Порфирьевича Судейкина в Киеве.....195

C O N T E N T S

Russian Statehood

Volodina T.A., Podrezov K.A. “To Cover Him with the Banner”: On the Instruments of Sacralizing the Banner in the Russian Army of the 17th and 18th Centuries.....6

Ochirov U.B. The Formation of National-Ethnic Cavalry Divisions in the Red Army: Intention and Implementation (1919 – 1920).....26

Agapov M.G. Soviet Arctic Navigation of 1937: The Unacknowledged Record of the Steamship “Mossovet”.....50

Russia and the World

Chereshneva L.A., Chereshneva M.S. India’s “Positive Neutralism” in the Assessment of Soviet Ambassador K.V. Novikov (1949).....77

Europe in the Past

Lebedev P.N. “Passio Sanctarum Perpetuae et Felicitatis” and the Question of the Persecution of Christians in the Roman Empire under Septimius Severus.....94

A.M. Smorchkov, S.N. Fedorchenko, P.P. Shkarenkov The Legitimation of Political Power: The Ancient and Contemporary Experience.....113

Cultural Memory

Orlova M.A. St. George’s Cathedral in Yuriev-Polsky: The Meeting of the Cultures of East and West in Pre-Mongol Russia.....127

Book and Journal Reviews

Markov A.V. The Sociocultural Frameworks and Organizational Forms of Unity of Russian Medieval Art: Reflections on the New Edition of the Multi-Volume Collection “Ancient Russian Art”.....138

Maul V.Ya. “Those Who Likened Themselves unto God”: Reflections on the Book “I Am the Tsar. The History of Imposture in Russia” by Claudio Ingerflom.....152

Ippolitov S.S. Russian Scientific Journals in the Field of Copyright Protection, Business Interests, and Editorial Ethics 175

Landmarks in Human History

Milevskiy O.A. The Inspector’s Ascent: The First Year of Georgy Sudeikin’s Gendarme Service in Kiev.....195

of. Procurator Mecilius Hilarian during interrogation only wanted to know if they were Christians or not, for starting from Trayan the positive answer was a sufficient reason for death penalty. Obviously, the legislative base for the persecution of the Christians under Septimius Severus remained unchanged.

However, the Emperor's expected journey in North Africa and the surge in the persecution of Christians in Alexandria and Carthage are likely to be connected for another reason. In fact, the enthusiasm of the local elites preparing to welcome the first emperor who came from North Africa could be responsible for aggravating the current conflicts and inciting new ones between Christians and adepts of other traditional religions. The author argues that the arrest and persecution of Perpetua and Felicity can be most probably explained by the intention of the provincial authorities to keep order in their provinces and avoid popular unrest in the course of preparations for the Emperor's visit.

Roman Empire, cult, religious faith, Judaism, early Christianity, martyrdom, edict, persecution, death penalty, North Africa, Septimius Severus, Perpetua, Felicity.

А.М. Сморчков, С.Н. Федорченко, П.П. Шкаренков

ЛЕГИТИМИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ: ДРЕВНИЙ И СОВРЕМЕННЫЙ ОПЫТ*

A.M. Smorchkov, S.N. Fedorchenko, P.P. Shkarenkov

The Legitimation of Political Power: The Ancient and Contemporary Experience

В 162 г. до н.э. консулы Публий Корнелий Сципион Назика и Гай Марций Фигул добровольно сложили свои полномочия, когда уже после их вступления их в должность выяснилось, что консул предыдущего года Тиберий Семпроний Гракх, руководивший народным собранием, на котором они были избраны, совершил ошибку («огрешность», vitium) из области сакрального (авгурального) права[1]. Причем консулы поступили так по своей воле, поскольку никто не мог им приказать, что, конечно, не исключает морального давления Сената.

Случай – практически уникальный в истории Римской республики: за 460 лет республиканской истории, до установления диктатуры Юлия Цезаря, известно максимум пять случаев сложения полномочий «огрешно», то есть неправильно с точки зрения религии, избранными консулами (393?, 223?, 220?, 215, 162 гг. до н.э.), причем уверенно это можно утверждать лишь для последних двух случаев. Впрочем, и эти два случая с религиозно-правовой точки зрения отличаются между собой. Семь раз отказывались от власти «огрешно» избранные диктаторы.

С современной же точки зрения случай этот – своеобразный, если не сказать экзотический. И тем не менее римский опыт имеет вполне актуальное значение – особенно опыт кризисный – ввиду нынешних политических проблем в странах, признаваемых демократическими.

Целью данного исследования является сравнительный анализ древних и современных технологий узаконивания (легитимизации) политической власти на примере Римской республики и ныне действующих демократических политических режимов. Дефиниция «легитимизация» производна от категории «легитимность», означающей, согласно американскому политологу М. Липсету, способность системы сохранять уверенность в том, что существующие политические институты – наиболее приемлемые и подходящие[2]. «Ле-

* Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда «Дискурс государственной власти в древних обществах и рецепция его элементов в мировых и российских общественно-политических практиках» (проект № 19-18-00549), реализуемого в Российском государственном гуманитарном университете.

гитимизация» означает конкретные технологии достижения «легитимности» – от институциональных до ценностно-символических. «Делегитимизация», напротив, имеет противоположное значение и может проявляться в различных ипостасях: от молчаливого несогласия, отказа от участия в выборах до протестов и вооруженного захвата власти.

В данной работе основной исследовательский фокус сосредоточен на связи легитимизации, узаконивания демократических институтов с традициями и ритуалами.

В античных политических системах эта связь наглядна, осознаваема и не подлежит сомнению. Но и в современных условиях американский политолог Дж. Стаут не разделяет, а, наоборот, рассматривает как неразрывное целое «демократию» и «традицию»[3]. Принципиально важное значение в этом отношении имеет его тезис, согласно которому любая демократическая процедура, сохранившая преемственность у ряда поколений, в конце концов становится значимой традицией. Английский ученый Д. Битем также обращает внимание на то, что политическая легитимизация не только связана с существующими нормами, но и опирается на распространенные в гражданской среде убеждения[4].

А потому сохраняет актуальность трехзвенная модель М. Вебера, который кроме харизматической и рациональной легитимизации выделял традиционную[5]. Элементы традиционной легитимизации, основанной на сакральной интерпретации политических актов, не исчезли, а, скорее, претерпели метаморфозу в современных демократиях. Примечательно, что и в римской республиканской организации имелись такие нюансы и особенности, которые переводили приоритет религии, скорее, в область идеологических представлений, чем реальной политической практики, что сближает античность и современность.

Для сравнения легитимизационных практик взяты случаи из истории Римской республики и современных политических режимов. Можно выделить три этапа общего легитимизационного механизма: а) электоральный; б) промежуточный; в) инвеститурный. Данные этапы могут считаться условными, но все же их признаки прослеживаются и в разных современных политических режимах, и в демократиях древности.

Электоральный этап включает предварительную регистрацию кандидатов, предвыборную агитацию и собственно выборы, в ходе которых имеют место процедуры ритуального характера.

Промежуточный этап (после выборов и до официального вступления победившего кандидата в должность) представляется наиболее опасным с точки зрения легитимизационных рисков: ведь именно тогда у современной оппозиции, как и у античной, сохраняется признанная законом возможность оспорить результаты выборов, предъявив претензии к соблюдению должных процедур и ритуалов

вплоть до обвинений власти в фальсификации. Наконец, инвеститурный этап (церемония инаугурации) в современной политической практике является наиболее ритуализированным – соответственно, он демонстрирует наибольшее сходство с древними практиками.

Изучение первого этапа (электорального) выявило черты сходства и различия между античными и современными практиками, принципиальное совпадение содержания и целей этих практик несмотря на значительную разницу в формах. В частности, в республиканском Риме при легитимизации электоральной процедуры большую, пожалуй, даже преобладающую роль играли религиозные акты, а именно две процедуры гадания с целью выявить волю богов (ауспиции). Одна проходила непосредственно перед выборами, другая в их ходе, завершаясь объявлением итогов голосования (renuntiatio).

О важности надлежащего совершения ауспиций перед электоральными народными собраниями (комициями) говорит тот факт, что обнаружение нарушения (vitium) именно при их проведении являлось основной причиной отказа от должности уже избранных магистратов. Именно на этом этапе совершил упомянутую ошибку Тиберий Гракх. Таким образом, ауспиции перед электоральными комициями образовывали, по выражению некоторых исследователей, сакральный фундамент должности новых магистратов[6].

В современном мире древнеримским религиозным ритуалам соответствуют социологические опросы общественного мнения и политические прогнозы накануне выборов, которые в современных демократиях приобрели вполне ритуально-легитимизационный характер. Кроме того, ключевым актом в процедуре избрания новых магистратов, без которого выборы считались недействительными независимо от их реального результата, являлась процедура объявления результатов голосования (renuntiatio), которая фактически сохраняет ритуальную функцию легитимизации и в современных демократиях. Эта миссия возлагается, как правило, на представителей избирательных комиссий. На выборах в древнем Риме решающее влияние на результаты голосования оказывала жеребьевка, определявшая порядок подачи голосов среди голосовательных единиц (центурий или триб). Современные государства также пытаются усилить свою легитимизацию, внедряя алеаторную (с помощью жребия) форму демократических процедур.

Таковы основные выводы и наблюдения, сделанные при анализе электоральных процедур в античности и современности. Конечно, в древнем Риме религиозный компонент легитимизации политической власти был представлен шире. Но, что характерно для прагматического Рима, религиозный контроль за выборами был опосредован политическим: коллегия жрецов-авгуров, в ведении которой находилась теория ауспиций, в случае возникновения сомнений действовала исключительно по запросу политической власти, а их

решения фактически проходили утверждение в Сенате, который решал, какие меры необходимо принять[7]. Более того, очень рано в Римской республике стал развиваться собственно политический контроль за «чистотой» выборов, не имевший религиозных коннотаций. Он создавался постепенно законами de ambitu, что можно перевести как законы «о нарушениях при соискании должности». Такое толкование термина ambitus/ambitio («обход») отражает принятую в Риме практику, когда кандидат обходил потенциальных избирателей, агитируя за себя. Соответственно, оно получило затем значение «соискание должности» и даже попало в русский язык («амбиции»). Первое решение, касавшееся предвыборной кампании, было принято в 432 г. до н.э. (*Liv.* IV. 25. 13-14), а первый закон непосредственно de ambitu – в 358 г. до н.э. (закон Петелия: *Liv.* VII. 15. 12-13). В конце II в. до н.э. была учреждена постоянная судебная комиссия, рассматривавшая дела о нарушениях при соискании должностей. Всего же за время Республики было утверждено около двенадцати таких законов, а также иные правовые акты[8]. Со временем добавились наказания вплоть до полного запрета на дальнейшее соискание в случае осуждения по суду (закон Кальпурния 67 г. до н.э.).

В итоге к концу Республики в Риме в дополнение к религиозно-политическим методам легитимизации сформировалась весьма похожая на современную чисто политическая система регулирования предвыборной борьбы, призванная обеспечить честную конкуренцию. Наличие регулирования предвыборной борьбы позволяет выделить промежуточный этап легитимизации власти – между избранием и вступлением в должность, поскольку именно тогда оказывались задействованы нормы, относящиеся к предвыборной борьбе. Строго говоря, к процедуре легитимизации власти этот этап отношения не имеет, являясь, так сказать, проверочным для первого этапа. Но все же в глазах общества он вносит немалый вклад в признание законности новоизбранной власти и влияет на ее авторитет. Более того, данный этап заключает, пожалуй, наибольшие риски для существующей системы.

Продемонстрируем это утверждение сначала на примере из римской истории. В последний век Республики между выборами и вступлением в должность (1 января) имелся промежуток в несколько месяцев, что давало достаточное время политическим оппонентам для инициации судебных процессов против победителей. Один из законов de ambitu, предусматривавший десятилетнее изгнание для осужденного, был принят в консульство знаменитого Марка Туллия Цицерона (63 г. до н.э.). Правда, инициатива исходила не от него, а от Сената, но формально именно Цицерон как консул предложил народу этот закон. И ему же пришлось защищать против обвинения в незаконном соискательстве своего преемника Луция Лициния Мурену, избранного консулом следующего года на народном собрании под руководством того же Цицерона. Поэтому в начале речи он был

вынужден оправдывать свое выступление в защиту Мурены государственной пользой (*Cic.* Pro Mur. 2-6; 67). Процесс против Мурены состоялся во второй половине ноября 63 г. до н.э. (выборы – в октябре). Это был самый неопределенный момент в борьбе Цицерона против заговора Катилины: глава заговора уже покинул Рим, косвенно признав свою вину, но еще не были арестованы послы галльского племени аллоброгов, чьи показания дали Цицерону неопровержимые доказательства. Любой, даже малейший, сбой в политическом механизме играл на руку Катилине, а ведь здесь речь шла о передаче высшей власти. В итоге сложилась противоречивая ситуация, когда автору закона, карающего нарушения при соискательстве должностей, пришлось защищать обвиняемого в этих нарушениях.

Таким образом, справедливая и логически обоснованная практика оспаривания результатов выборов может заключать в себе возможность негативных последствий для существующей системы, особенно в кризисные периоды, сопровождающиеся опасной дисфункциональностью власти.

Наиболее яркие примеры дают так называемые легитимизационные кризисы многих современных постсоветских демократий, когда политическая оппозиция, осознающая слабость и ошибки существующего режима, начинает оспаривать честность прошедших выборов, объявляя их сфальсифицированными, как это имело место в 1996 г. в Армении, перед «революцией роз» 2003 г. в Грузии, перед «оранжевой революцией» 2004 г. в Украине, накануне беспорядков 2020 г. в Белоруссии. Доминирование запросов на справедливость демократии[9] вновь возвращает нас к ее ценностной, сакрально-ритуальной легитимизации. Если оппозиция регулярно оспаривает справедливость демократических процедур, то такой важный элемент политической легитимизации как доверие теряет свою прочность. Недоверие к выборам имеет разнообразные последствия, которые отчетливо видны на примере современных избирательных кампаний. Примечательно, что в современных демократиях появились риски делегитимизации и до начала выборов. Можно вспомнить протестные акции с 4 декабря 2011 г. на проспекте Сахарова в Москве, организованные оппозицией, несогласной с результатами выборов в Государственную Думу VI созыва. Но анонсирование этих протестов было сделано активистами «Русского марша» за месяц до самих выборов.

Однако к механизму легитимизации современной демократии кроме внутренних акторов добавились и внешние. Европейский парламент в 2011 г. принял резолюцию, призывавшую российские власти организовать «свободные и справедливые» выборы, проведя расследование выявленных фактов нарушений. В 2020 г. ряд фракций Европарламента не признали президентские выборы в Белоруссии легитимными. В том же году власти США отказались признавать парламентские выборы в Сирии и президентские выборы в

Белоруссии. А в 2016 г. Государственный департамент США заранее предупредил, что не признает выборы в Государственную Думу, проведенные в Крыму и Севастополе. Ничего подобного не было в Риме, где невозможно было внешнему актору обвинять в фальсификации выборов по причине отсутствия аналогичного политического режима.

Таким образом, в кризисных условиях политические меры, призванные обеспечить честность и законность при избрании новых властей, в реальности могут способствовать расшатыванию демократических устоев, демонстрируя столь нередкое в политической (и не только) истории расхождение между благими целями и негативными результатами. Как показывает пример Рима конца Республики, судебные процессы по обвинению в нарушениях при выборах внесли весомый вклад в делегитимизацию политического режима – подрыв авторитета республиканской системы в целом и ее органов управления в частности. Ведь эти процессы затевались в угоду личным и «партийным» амбициям, а не в интересах гражданского коллектива в целом. Нельзя сказать, чтобы случаи осуждения в Риме были частыми, но и уникальными такие процессы не назовешь: за последний век Республики известно примерно о двух десятках осужденных соискателей разных должностей и примерно о стольких же оправданных при некотором количестве процессов, чей результат неизвестен (а ежегодно избиралось около тридцати ординарных магистратов)[10]. Впрочем, уже сама угроза возможной кассации результатов состоявшихся выборов оказалась весьма неоднозначной по своим последствиям для существующей политической системы. То же самое мы видим и сейчас, когда в жертву партийным целям и отдельным честолюбиям под благовидными предлогами приносятся общегражданские интересы.

В современных демократиях основной вопрос, как правило, связан с принципом равного доступа кандидатов к коммуникационным каналам, где они могут заниматься агитацией. Можно вспомнить скандал в Италии 2011 г., когда римская прокуратура по иску Республиканской партии открыла следствие в отношении двух государственных телеканалов и премьер-министра страны С. Берлускони за незаконную агитацию в новостном эфире. Но наибольшие риски делегитимизации современных демократий связаны именно со сферой Интернета и социальных сетей. Проблема заключается в том, что избирательное законодательство просто не успевает за развитием подобных информационных технологий. Сетевая архитектура современных коммуникаций расширяет возможности политической агитации в обход любого закона и «дня тишины». Технологии Big Data, сбор информации с психопрофилей граждан в Facebook и Twitter, микроцелевая пропаганда, активность социальных ботов приводят к скандальности выборного процесса.

Соответственно, в условиях фейков и непроверенной информации оппозиция и недоверчиво настроенные граждане начинают требовать дополнительных проверок результатов уже прошедших выборов, на деле оспаривая их. Например, в 2016 г. разгорелся скандал вокруг американских президентских выборов, когда появилась конспирологическая идея о том, что Россия якобы смогла через хакерские группы повлиять на их результат[11]. В 2020 г. британские власти вынуждены были опубликовать парламентский доклад «Россия», где идет речь о попытках Российской Федерации повлиять на внутреннюю политику Великобритании и референдум о Брекзите, хотя прямых доказательств этого не предъявлено[12]. Таким образом, современные, принципиально иные по сравнению с древностью, медийные возможности ведения политической борьбы создают дополнительные риски для функционирования демократических институтов.

И, наконец, третий этап – инвеститура, когда совершаются ритуалы, сопровождавшие вступление в должность.

Что касается Рима, то в начале своего правления консулы осуществляли в основном религиозные акты. От надлежащего их исполнения, как считалось, зависел успех всего правления соответствующих магистратов. Прежде всего, утром первого дня консулы совершали ауспиции, право на которые они получили при избрании, тем самым испрашивая одобрение богов своим действиям в данный день[13]. Кроме того, консулы приносили обеты ради благополучия Рима во время своего правления[14] и в течение пяти дней должны были принести клятву на верность законам[15]. Завершалась серия обязательных актов при вступлении консулов в должность жертвоприношениями в честь Юпитера Латинского на Альбанской горе (в 20 км к юго-востоку от Рима)[16]. В празднике на Альбанской горе принимали участие Сенат и все римские должностные лица, включая плебейских трибунов[17]. Таким образом, территориально политическая власть из Рима на время перемещалась в сакральный центр Лация, к городу Альба Лонга, считавшемуся метрополией латинских городов.

Помимо религиозных, имелся и политический акт[18]: на каком-то этапе вступления в должность на утверждение древнейшего народного собрания по куриям (родовым подразделениям) высшие магистраты вносили закон об империи (lex curiata de imperio), то есть по поводу своей власти. Согласно римской политической теории, империй являлся наследием царской власти во всей ее полноте (с некоторыми ограничениями, привнесенными Республикой). Содержание и цели этого закона представляют сложную проблему, будучи неясными уже древним авторам конца Республики. И хотя тогда куриатный закон об империи превратился в формальный акт, который осуществлялся в присутствии тридцати куриатных ликторов, представлявших тридцать курий, и трех авгуров[19], он продолжал сохранять значение для обретения консульской власти во всей полноте ее

полномочий.

Важной особенностью римской процедуры легитимизации власти являлось определяющее значение религиозно-политической безупречности именно выборов, а не принятия власти, где возможны были нарушения и отступления от устоявшихся правил – понятно, что осуждаемые, но, тем не менее, не влиявшие на признание в общественном мнении и политической практике законности такой власти и, соответственно, ее действий и решений. Самый известный пример – вступление в должность консула 217 г. до н.э. Гая Фламиния, который из-за спешки, вызванной вторжением Ганнибала, пренебрег рядом актов (*Liv.* XXI. 63. 7-12; XXII. 1. 5-7), что не помешало ему стать законным консулом, а его имя внести в консульские списки (фасты).

В современных демократиях также имеется процедура инаугурации – ритуал торжественного вступления в должность высшего государственного лица. Например, инаугурация президента России начинается с игры президентского оркестра, прохождения знаменосцев с Государственным флагом страны, Знаком, Штандартом президента России и Конституции. Выбранный на этот пост произносит присягу, положив руку на текст конституции. Присяга произносится в присутствии депутатов Государственной Думы, членов Совета Федерации, председателей этих палат, судей Конституционного Суда Российской Федерации (ст. 82 конституции РФ). После этого звучит Гимн России, над резиденцией главы государства поднимается дубликат штандарта президента, затем новоизбранный президент произносит короткую речь. В итоге производится 30 артиллерийских залпов, и глава государства принимает парад президентского полка. Американские президенты, принимающие торжественную присягу, клянутся на Библии, хотя это не обязательная норма в отличие от речи, которую нужно произнести непременно, так как она на деле должна включать декларирование политического курса пришедшего к власти кандидата. Присягу принимает председатель Верховного суда США. Также в программу инаугурации включаются парад и бал. До президента к присяге приводится вице-президент.

Если посмотреть в целом на процедуру легитимизации политической власти, то касательно республиканского Рима вполне обоснованно складывается впечатление об абсолютном преобладании религиозных актов и религиозного содержания, что ставит под вопрос саму возможность сравнения с современной ситуацией. Это и верно, и нет. С точки зрения мировоззрения того времени, несомненно, религиозная сфера имела однозначный и общепризнанный приоритет. Но прагматизм римлян и, в особенности, политической элиты в реальности выдвигал на первый план общественные нужды, на которые «работал» религиозный компонент. Причем под этот прагматизм подводилась и соответствующая идеологическая база. Ведь несмотря на тесное переплетение сферы божественного (fas)

и человеческого (ius), граница между ними четко ощущалась и соблюдалась. В отличие от греческой религии, в римской явно заметно отторжение мистицизма, отсутствие стремления вступить в контакт с божеством, само лицезрение которого уже считалось грехом. Поэтому, по всей видимости, в римской политической практике отсутствовала сакральная инвеститура новоизбранной власти, то есть процедура вручения права на ауспиции, являвшегося религиозным фундаментом магистратской власти. Хотя, надо признать, в историографии были приложены немалые усилия для обнаружения таковой инвеституры.

Таким образом, полномочия магистрата в сакральной области зависели от получения им политических полномочий. Это свидетельствует о фактическом подчинении сакральной сферы политической, что является одним из основных принципов религиозной жизни гражданской общины. Такое положение сближает республиканский Рим с современными демократическими режимами, для которых характерен технократизм политических лидеров и партий, сосредотачивающихся не на идеологии, а на практической области пропаганды, стратегии и тактики работы с электоратом.

О чем же говорит опыт античности?

Обращает на себя внимание, что меры рационального характера, призванные обеспечить честность и справедливость выборов, в реальности могут способствовать делегитимизации – разрушению традиционного политического строя и, прежде всего, его демократической составляющей. Ведь при наличии злой воли или даже искреннего заблуждения проигравшая сторона легко может оспорить и вполне честные выборы, тем самым способствуя разрушению системы, внося в нее смуту и беспорядок. Напротив, меры иррациональные, базирующиеся на глубинных верованиях, продолжали служить сохранению Республики и на завершающем этапе ее существования, хотя они воспринимались, по крайней мере правящей элитой, как странные и зачастую уже непонятные остатки далекой старины.

Прочность любой политической организации во многом строится на традиционности, на заведенном издавна порядке. Касается это и демократии, важной чертой которой является ротация руководителей государства. Но эта ротация не должна покушаться на некие сущностные основы, являясь все-таки не самоцелью, а средством обеспечения оптимального управления обществом. Наиболее полное и понятное воплощение традиционность находит в религии, но не сводится к ней, основываясь на подсознательной нерефлексируемой убежденности в незыблемости и ценности существующего порядка, обеспечивающей консенсус между обществом и правящей элитой.

* * *

Подводя итоги исследования, отметим, что существует ряд параметров, которые могут указывать на сходство и кардинальное отличие легитимизационных практик в античной и современной демократии.

Во-первых, как и во время Римской республики, легитимность режима обуславливается сохранением справедливых демократических процедур как честных и прозрачных перед внутренними акторами (гражданами) и способными спровоцировать их на критику лидерами оппозиции.

Во-вторых, к легитимизационным практикам демократии прибавился внешнеполитический фактор, чего не знал античный Рим. Отныне другие демократические режимы, исходя из своих интересов, могут не признать выборы легитимными, что проявляется в разных формах – от призывов провести новые выборы, нот протеста и критики до введения санкций.

В-третьих, современные демократии пытаются усилить свою легитимизацию, внедряя алеаторную форму демократии, известную в античности. При этом алеаторные процедуры используются в сочетании с выборными демократическими процедурами.

В-четвертых, хотя современные демократии в основном опираются на нормативный уровень и прагматизм, они также сохраняют ритуализованные практики, отражающиеся в значимости социологических опросов, политических прогнозов, ток-шоу и новостной подачи сетевых массмедиа. Но демократия при этом больше трансформируется в медиакратию – режим, где интересы политических акторов тесно переплетены с интересами медийных конгломератов. Наиболее очевидным сходством ритуализованного характера легитимизации античной и современной демократий выступает сохранение инаугурации – процедуры вступления в должность глав современных государств.

Примечания
Notes

[1] *Сморчков А.М.* Религия и власть в Римской Республике: магистраты, жрецы, храмы. Москва, 2012. С. 247–251.

[2] *Липсет М.* Политический человек: Социальные основания политики. Москва, 2016. С. 89.

[3] *Стаут Дж.* Демократия и традиция. Москва, 2009. С. 18.

[4] *Beetham D.* The Legitimation of Power. London, 1991. P. 15–17.

[5] *Вебер М.* Политика как призвание и профессия. Москва, 2018. С. 221–233.

[6] *Jahn J.* Interregnum und Wahldiktatur. Kallmünz, 1970. S. 23; *Kunkel W.* Kleine Schriften: Zum römischen Strafverfahren und zur römischen Verfassungsgeschichte. Weimar, 1974. S. 359.

[7] *Сморчков А. М.* Религия и власть в Римской Республике: магистраты, жрецы, храмы. Москва, 2012. С. 245–257.

[8] *Nadig P.* Ardet ambitus: Untersuchungen zum Phänomen der Wahlbestechungen in der römischen Republik. Frankfurt am Main, 1997. S. 17–94; *Fascione L.* Crimen e quaestio ambitus nell'età repubblicana: Contributo allo studio del diritto criminale repubblicano. Milano, 1984; *Schuller W.* Ambitus: Einige neue Gesichtspunkte // Hyperboreus: Bibliotheca Classica Petropolitana. 2000. Vol. 6. Fasc. 2. P. 349–361; *Walter U.* Patronale Wohltaten oder kriminelle Mobiliesierung? Sanktionen gegen unerlaubte Wahlwerbung im spätrepublikanischen Rom // Korruption: Historische Annäherungen an eine Grundfigur politischer Kommunikation. Göttingen, 2010. P. 145–166.

[9] Ролз Дж. Теория справедливости. Москва, 2017. С. 27.

[10] *Nadig P.* Ardet ambitus: Untersuchungen zum Phänomen der Wahlbestechungen in der römischen Republik. Frankfurt am Main, 1997. S. 210–212.

[11] *Harding L.* Top Democrat's emails hacked by Russia after aide made typo, investigation finds // The Guardian (London). 2016. 14 Dec.

[12] Intelligence and Security Committee of Parliament. Russia. 2020. 21 July.

[13] *Dionys.* II. 6. 1-3; *Cic*. Div. II. 74; *Ovid.* Ep. ex Ponto. IV. 4. 38.

[14] *Liv.* XXI. 63. 7; XXII. 1. 6; XXXI. 9. 6-10; *Ovid.* Ep. ex Ponto. IV. 4. 30.

[15] *Liv.* XXXI. 50. 7; Lex Bant. 17-21; Lex Salp. 25; 26; Lex Malac. 57; 59.

[16] *Pasqualini A.* I miti albani e l'origine delle Feriae Latinae // Alba Longa: Mito. Storia. Archeologia. Atti dell'Incontro di studio Roma – Albano Laziale 27–29 gennaio 1994. Roma, 1996. P. 217–236; *Simón F.M.* The Feriae Latinae as Religious Legitimation of the Consuls' Imperium // Consuls and Res Publica: Holding High Office in the Roman Republic. Cambridge, 2011. P. 116–132; *Сморчков А.М.* Мифологическая традиция в сакральной легитимации римской магистратской власти // Диалог со временем. 2021. № 74. С. 78–88.

[17] *Dionys.* VIII. 87. 6; *Strabo*. V. 3. 2; *Dio Cass.* XXXIX. 30. 4.

[18] *Сморчков А.М.* Религия и власть в Римской Республике: магистраты, жрецы, храмы. Москва, 2012. С. 39–63.

[19] *Cic.* Leg. agr. II. 31; Ad Att. IV. 17. 2; II. 7. 2.

Авторы, аннотация, ключевые слова

Сморчков Андрей Михайлович – докт. ист. наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
smorchkovtuber@yandex.ru

Федорченко Сергей Николаевич – канд. полит. наук, профессор, Московский государственный областной университет (Москва)
s.n.fedorchenko@mail.ru

Шкаренков Павел Петрович – докт. ист. наук, профессор, проректор, Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
chkarenkov@mail.ru

Статья продолжает сравнительный анализ античных и современных технологий легитимизации политической власти на примере Римской республики и ныне действующих демократий. Для сравнения легитимизационных практик были выделены три этапа: электоральный, промежуточный, инвеститурный. В данной статье рассматриваются два последних этапа. Анализ показал, что меры рационального характера, призванные обеспечить честность и справедливость выборов, в реальности могут способствовать делегитимизации – разрушению традиционного политического строя и его демократической составляющей в ходе совершенно законных практик оспаривания результатов. В то же время меры иррациональные, базирующиеся на глубинных верованиях и традициях, эффективно служат сохранению гражданского мира и существующего строя. Это позволяет говорить о демократии как о воспроизводимой традиции через соответствующие выборные практики, сопровождаемые процедурами ритуального характера. Легитимность режима обуславливается сохранением справедливых демократических процедур как честных и прозрачных перед внутренними акторами (гражданами) и способными спровоцировать их на критику лидерами оппозиции. Наиболее очевидным сходством ритуализованного характера легитимизации античной и современной демократий выступает сохранение процедуры вступления в должность глав современных государств (инаугурация).

Легитимизация, демократия, Римская республика, выборы, ритуалы, массмедиа, предвыборная борьба, политические кризис.

References
(Articles from Scientific Journals)

1. Schuller, W. Ambitus: Einige neue Gesichtspunkte. *Hyperboreus: Bibliotheca Classica Petropolitana,* 2000, vol. 6, fasc. 2, pp. 349–361. (In German).

2. Smorchkov, A.M. Mifologicheskaya traditsiya v sakralnoy legitimatsii rimskoy magistratskoy vlasti [Mythological Tradition in the Sacred Legitimation of the Roman Magistracy.] *Dialog so vremenem*, 2021, no. 74, pp. 78–88. (In Russian).

(Essays, Articles, and Papers from Books, Proceedings, and Research Collections)

3. Simón, F.M. The Feriae Latinae as Religious Legitimation of the Consuls' Imperium. *Consuls and Res Publica: Holding High Office in the Roman Republic* / Ed. by H. Beck et al. Cambridge: Cambridge University Press, 2011, pp. 116–132. (In English).

4. Pasqualini, A. I miti albani e l'origine delle Feriae Latinae. *Alba Longa: Mito. Storia. Archeologia. Atti dell'Incontro di studio Roma – Albano Laziale 27–29 gennaio 1994* / Ed. A. Pasqualini. Roma: Istituto italiano per la storia antica, 1996, pp. 217–236. (In Italian).

5. Walter, U. Patronale Wohltaten oder kriminelle Mobiliesierung? Sanktionen gegen unerlaubte Wahlwerbung im spätrepublikanischen Rom. *Korruption: Historische Annäherungen an eine Grundfigur politischer Kommunikation* / Hg. von N. Grüne, S. Slanička. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2010, pp. 145–166. (In German).

(Monographs)

6. Beetham, D. The Legitimation of Power. London: Palgrave Macmillan, 1991, 310 p. (In English).

7. Fascione, L. Crimen e quaestio ambitus nell'età repubblicana: Contributo allo studio del diritto criminale repubblicano. Milano: A. Giuffré, 1984, 161 p. (In Italian).

8. Jahn, J. Interregnum und Wahldiktatur. Kallmünz: M. Lassleben, 1970, 195 s. (In German).

9. Kunkel, W. Kleine Schriften: Zum römischen Strafverfahren und zur römischen Verfassungsgeschichte. Weimar: H. Böhlau, 1974, 636 s. (In German).

10. Lipset, S.M. Politicheskiy chelovek: socialnye osnovaniya politiki [Political Man: The Social Bases of Politics.]. Moscow, 2016, 611 p. (In Russian). = Lipset, S.M. Political Man: The Social Bases of Politics. Garden City (NY): Doubleday and Company, 1960, 432 p. (In English).

11. Nadig, P. Ardet ambitus: Untersuchungen zum Phänomen der Wahlbestechungen in der römischen Republik. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1997, 250 p. (In German).

12. Rawls, J. Teoriya spravedlivosti [A Theory of Justice.]. Moscow, 2017, 536 p. (In Russian). = Rawls, J. A Theory of Justice. Cambridge (MS): Harvard University Press, 1971, 607 p. (In English).

13. Smorchkov, A.M. Religiya i vlast v Rimskoy Respublike: magistraty, zhretsi, khramy [Religion and Power in the Roman Republic: Magistrates, Priests, Temples.]. Moscow, 2012, 601 p. (In Russian).

14. Stout, J. Demokratia i traditsiya [Democracy and Tradition.]. Moscow, 2009, 462 p. (In Russian). = Stout, J. Democracy and Tradition. Princeton (NJ): Princeton University Press, 2004, 348 p. (In English).

15. Weber, M. Politika kak prizvaniye i professiya [Politics as a Vocation and Profession.]. Moscow, 2018, 292 p. (In Russian). = Weber, M. Politik als Beruf. München; Leipzig: Duncker & Humblot, 1919, 67 p. (In German).

Authors, Abstract, Key\ words

Andrey M. Smorchkov – Doctor of History, Professor, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)
smorchkovtuber@yandex.ru

Sergey N. Fedorchenko – Candidate of Political Science, Professor, Moscow Region State University (Moscow, Russia)
s.n.fedorchenko@mail.ru

Pavel P. Shkarenkov – Doctor of History, Professor, Vice-rector, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)
chkarenkov@mail.ru

The article continues the comparative analysis of ancient and contemporary technologies of the legitimation of political power on the example of the Roman Republic and current democracies. To compare legitimation practices, three stages were identified: electoral, intermediate, and investitive. This article discusses the latter two stages. The analysis showed that rational measures designed to ensure the integrity and fairness of elections, in reality, can contribute to delegitimation – the destruction of the traditional political system and its democratic component in the course of completely legitimate practices of challenging the results. At the same time, irrational measures based on deep beliefs and traditions effectively serve to preserve civil peace and the existing system. This makes it possible to speak of democracy as a reproducible tradition through appropriate electoral practices accompanied by ritual procedures. The legitimacy of the regime is conditioned by the preservation of fair democratic procedures as honest and transparent to internal actors (citizens) and capable of provoking them to criticism by opposition leaders. The preservation of the procedure for assuming the modern office of head of state – the inauguration – is the most obvious similarity in the ritualized legitimation of ancient and contemporary democracies.

Legitimation, democracy, Roman Republic, elections, rituals, mass media, electoral struggle, political crises.

ПАМЯТЬ КУЛЬТУРЫ
Cultural Memory

M.A. Orlova

ST. GEORGE'S CATHEDRAL IN YURIEV-POLSKY: THE MEETING OF THE CULTURES OF EAST AND WEST IN PRE-MONGOL RUSSIA

М.А. Орлова

Георгиевский собор в Юрьеве-Польском: Встреча культур Востока и Запада в предмонгольской Руси*

The 13th century was a difficult period in the history of Old Russia. Its first decades were marked by intensively continuing internecine wars of big and small princely clans for the division and redistribution of territories, for the Kiev principality and primacy in the Russian lands. Wars continued with the closest neighbors – in the Baltic States with Lithuania, Chud', Swedes, and the Teutonic Order in the Volga region – with the Bulgars, in Galich and Volhynia – with Hungarians and Poles. Disputes between clans sometimes led to irreversible consequences, which served as a kind of threshold, a harbinger of the terrible, tragic times to come[1].

In 1203 the combined forces of Rurik Rostislavich, Olgovichi and Cumans took over and monstrously plundered Kiev. According to the chronicle, churches were destroyed, including St. Sophia, the Desyatinnaya Church, and all monasteries. Apparently, it was mainly the Cumans who robbed, captured and killed and then drove away their captives in the steppes[2]. Only foreign merchants managed to save their lives. So far all theose situations did not allow to notice a new approaching threat, to prevent the terrible chaos, devastation and destruction of many Russian cities – the Mongol invasion. Internecine conflicts did not stop even after the first appearance of the Mongolian hordes in the South of Russia in 1223 and the crushing defeat of the Russian and Cumans armed forces in the battle with the Mongol on the Kalka River[3]. And they took place not only between separate princely clans, but also within them.

A few years earlier, a conflict between the sons of the deceased

* Перевод М.А. Орловой и Д.А. Плешковой.

methods against “The Executive Committee of the Russian revolutionary party” in Kiev, which was successful, resulting in its almost utter annihilation.

On the basis of previously unknown archival documents the article reconstructs the activities of Gendarme Officer Sudeikin in 1878–1879 in Kiev. This particular example is used to analyze the work mechanism of gendarme institutions. The emphasis is made on the motives underlying Sudeikin’s activities. The author comes to the conclusion that, despite a considerable success in his fight against revolutionaries during his Kiev period, Sudeikin appears to be a cynical and ambitious careerist, rather than a loyal servant to the Throne. He used the immoral principle of provocation for the achievement of his own career aims, in the first place. Finally, he himself fell victim to it. Eventually, provocation as a method of fighting against the revolutionaries as well as the entire “white terror” of the government failed to save the Russian monarchy from political collapse.

Russian autocracy, political police, Separate Gendarme Corps, Province Gendarme Department, gendarme officer, state service, official career, punitive policy, revolutionary movement, Narodniks, police provocation.

Научное издание

Новый исторический вестник

Редактор Я.В. Юркина
Компьютерная верстка А.В. Надточенко

Лицензия ИД № 00843 от 25.01.2000
Свидетельство о регистрации СМИ № 77-7347
от 19 февраля 2001 г.
Подписано в печать 13.12.2021
Формат 60x90/16
Гарнитура Times New Roman
Печать офсетная. Усл. печ. л. 11
Тираж 1 500 экз.

Издательство Ипполитова
117513, Москва, Ленинский пр-т, д. 135, корп. 2
Телефон (495) 970-72-63
E-mail nivestnik@yandex.ru
Сайт www.nivestnik.ru